ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНТА: ОПЫТ ВЫЖИВАНИЯ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (НАЧАЛО 1920-х гг.)

На основе воспоминаний рассматриваются проблемы влияния повседневности на жизнь, быт и интеллектуальное развитие Ф.А. Степуна в период с 1917 по 1922 г. Изучен опыт адаптации российского интеллигента к экстремальным условиям социально-экономического кризиса и Гражданской войны. Благодаря мемуарам современников, проанализированы жилищные условия, денежные и продовольственные трудности, изменения сферы деятельности.

Ключевые слова: Ф.А. Степун; квартирный вопрос; голод; трудовая артель; натуральный обмен.

В отечественной историографии проблемы повседневности стали активно осваиваться с конца XX в. [1. С. 22] Следует отметить, что внимание исследователей преимущественно направлено на переосмысление жизни и быта людей в переломные периоды истории России, другой вектор ориентирован на изучение отдельных социальных групп. Вместе с тем на сегодняшний день остаются недостаточно разработанными в российской историографии проблемы жизнедеятельности представителей интеллигенции начала 1920-х гг. В данной статье для реконструкции жизни Ф.А. Степуна были привлечены его мемуары, а также воспоминания, публицистические статьи единомышленников и коллег. С их помощью стало возможным воссоздать культурно-бытовой колорит, интеллектуальные (эмоциональные) переживания героя, увидеть и понять развитие его мировоззрения и взглядов на российскую революцию, Гражданскую войну (1917–1922 гг.) и будущее страны.

Итак, чтобы рассмотреть механизм приспособления отдельной личности к реалиям послереволюционного времени, автор обратился к анализу опыта жизни Ф.А. Степуна (1884–1965 гг.). Он был одним из типичных представителей интеллигентской субкультуры начала XX в. Будущий мыслитель – выходец из помещичьего сословия. Он получил основательное образование: сначала реальное училище в Москве, позднее – классическое философское в Гейдельбергском университете, владел несколькими иностранными языками. В 1910 г. вернулся в Россию, где активно включился в жизнь столичных религиозно-философских кружков. Один из участников международного журнала «Логос». В качестве лектора объездил ряд городов европейской России. Очевидец и участник Первой мировой войны.

К моменту Февральской революции 1917 г. Ф.А. Степун находился на фронте. Революция, по его мнению, стала логичным завершением кризиса старой монархической власти. Следует отметить, что в наследство от монархической власти большевистская получила целый ворох нерешенных задач: на фоне внутренних проблем формировались проблемы внешние, вызванные к жизни последствиями Первой мировой войны, позднее – Гражданской. Философ оказался одним из членов Временного правительства. Поддержав его, он включился, как тогда ему казалось, в процесс формирования демократического государства. Ф.А. Степун стал правой рукой Б.В. Савинкова, в конце июля 1917 г. заняв должность руководителя Политического отделения Военного министерства Временного правительства. Деятельность мыслителя была насыщенной: он принимал фронтовые делегации, прово-

дил переговоры с представителями партий, боролся с министерством за расширение бюджета, вел переговоры с авторами по созданию новой по духу и стилю агитационно-просветительной литературы, высказывался за арест большевиков, выступал за решительные действия, подчеркивая, что в условиях военного времени введение смертной казни является оправданной мерой. В конце августа Ф.А. Степун ушел в отставку. Итогом его деятельности в управлении стало подписание увесистого тома «Положения о новых правах и обязанностях солдат». Как представляется, мыслитель разочаровался в новой власти, в неспособности Временного правительства решать назревающие проблемы.

Октябрьскую революцию он считал переворотом, в результате которого власть захватили большевики. Мыслитель не принял новую власть, считая ее незаконной. 24 октября 1917 г. Ф.А. Степуна арестовали. Ему повезло, так как при аресте он был одет в светлую серую английскую шубу в косую черную полосу (а не военную форму министерства); вскоре солдаты его отпустили. В воспоминаниях Ф.А. Степун отмечал, что по городу ходили страшные слухи, везде стреляли. В Неву вошел крейсер «Аврора». Все эти факторы способствовали нагнетанию обстановки в городе, «нарастало всеобщее беспокойство за личную безопасность, безопасность своих жилищ» [2. С. 175]. В Петрограде увеличилось количество грабежей. Обитатели домов стали организовывать самооборону.

Через некоторое время философ с женой отправились в Москву, там царила тишина и безлюдье: не было солдат и постов, повсеместной проверки документов. Ученый тогда наивно полагал, что вскоре восстановится привычная мирная жизнь, стал помогать «Союзу защиты родины и свободы», заведовал культурно-философским отделом эсеровской газеты «Возрождение» (май–июнь 1918 г.). Мыслитель отмечал, что с радостью включился в работу издания, так как «идти на службу в какое-нибудь большевистское учреждение было неприемлемо» [3. С. 471]. Следует отметить, что в статьях события никак им не оценивались.

Литературная деятельность приносила весьма скромный доход. Обыденными явлениями стали голод, борьба за выживание в условиях разрухи, перебои в поставках продуктов питания. Большинство промышленных предприятий Москвы прекратило работу. Ф.А. Степун указывал, что люди думали о хлебе и спасении жизни.

Частично справиться с тотальным дефицитом позволял Сухаревский рынок, здесь можно было достать практически все. Власть вынуждена была мириться со сложившейся системой «черного» рынка. Несмотря на

упразднение товарно-денежных отношений и запрет свободной продажи товаров широкого потребления, нелегальная рыночная торговля продолжала существовать. Ф.А. Степун отмечал, что на рынке спекулировали валютой, драгоценными камнями и опиумом. Его семье пришлось продать драгоценности, чтобы приобрести лошадь для хозяйства. Новые властители жизни с жадностью осматривали и ощупывали принесенную роскошь. Случалось, что господа вынуждены были отдавать богатства за бесценок или выменивать на продукты. Ситуация вынуждала прибегать к услугам спекулянтов. В современных исследованиях отмечено, что на вольных рынках население приобретало от 70 до 90% необходимого продовольствия и товаров.

Столкнулся философ в повседневной жизни и с мешочниками – нелегальными продавцами продовольствия. Чаще всего «крепкие, физически развитые, обладавшие безграничным терпением, умевшие обращаться с оружием, находчивые и отчаянно смелые» [4. С. 43], они умудрялись откупаться от милиционеров и большевистских агентов, использовали ящики и чемоданы с двойным дном, надевали брюки-галифе, нашивали дополнительные карманы. Ф.А. Степун с благодарностью вспоминал их деятельность. Однако указывал, что «с чувством стыда, злобы и страха подымался на глазах у подкупленных милиционеров с пудом пшена и муки в чемодане вверх по откосу к дожидавшемуся... неподалеку извозчику» [3. С. 492]. Приобретенную ценность могли отобрать по дороге домой. Случалось, что «сначала милиционеры брали вторую взятку, а потом отбирали провиант, да еще с угрозой отправить на Лубянку за попытку подкупить неподкупную пролетарскую власть...» [Там же]. Все это рождало чувство неуверенности и страха. Власть активно насаждала испытанные в ходе войны методы (убрать, ликвидировать), но и старые традиции довели над обществом.

С началом Гражданской войны большевики объявили о мобилизации. Философ был признан пригодным к несению фронтовой службы. В это время Ф.А. Степун с товарищами задумал организацию нового театра. Возможность воевать против белой армии представлялась ему худшим вариантом: их идеология вызывала антипатию и сомнения. Молодые люди отправились на прием к комиссару народного просвещения А.В. Луначарскому, который поддержал начинание. Так, философ в мобилизационном порядке стал идейным руководителем Государственного Показательного театра (с ноября 1919 по октябрь 1920 г.). Он вспоминал, что несмотря на ежедневные трудности, они играли с увлечением, шутили и веселились. Однако выплата ассигнований на художественные нужды постоянно запаздывала. Жалованье задерживалось, а ввиду возрастающей инфляции уменьшалось каждый раз. Коллектив существовал практически на собственном иждивении. Через некоторое время философ ушел из театра. Он был подвергнут критике со стороны В.Э. Мейерхольда за «реакционную идеологию и эклектически-упадочный репертуар». Ему вменялось в вину, что он не понимал смысла «пролетарской культуры». Философ же откровенно говорил, что у пролетариата есть только идеология. Ф.А. Степун читал историю и философию театра в ряде театральных студий и школ. Ему

довелось выступать на заводах и фабриках с речами о новых задачах театра, но вместе с тем приходилось произносить чужие мысли. Это было ему не по душе. Однако в голодное время казенный паек, по признанию мыслителя, был их единственным спасением.

Ученый столкнулся с жилищной проблемой. В связи с острой нехваткой жилплощади в городе производилось «уплотнение буржуазии». Согласно решению Петросовета «буржуям» оставляли по 1 комнате на взрослого человека и столько же на всех детей [5. С. 23]. Конфискация и муниципализация жилья проводилась стихийно [6. С. 201]. Комнаты в квартире Степуна со всевозможными ордерами заполнили «неизвестно что собою представляющие жильцы», чуждые друг другу люди. Они чувствовали себя, по упоминанию ученого, хозяевами не только квартиры, но и всей России.

Философ писал, что в период зимы 1918–1919 гг. Москва являла собой нелицеприятную картину. В городе креп террор, практически без разбора расстреливали целые группы граждан. Людей преследовали не только за действия и мысли, но и за бездейственность. Жители Москвы постоянно сталкивались с нехваткой продуктов первой необходимости. Санитарно-гигиеническое состояние городов оставляло желать лучшего. Практически по всей России население тысячами умирало от тифа, испанки, холеры, дезинтерии и других недугов. Ф.А. Степун отмечал, что «очереди на гробы были так же длинны, как на хлеб» [3. С. 461].

Философ стал приезжать в столицу только для чтения лекций. Остальное время он проводил в подмосковном имении. Добираться до города всегда было трудно. Поезда опаздывали, иногда на неопределенное время отменялись пассажирское движение. Приходилось с нечеловеческими усилиями, под ругань и насмешки «товарищей» втаскивать пожитки в высокий, нетопленный товарный вагон без ступенек, рискуя заразиться тифом или набраться вшей. 30 верст до Москвы приходилось ехать два-три часа.

Весной 1919 г. Ф.А. Степун с женой окончательно перебрались в подмосковное имение – деревню Ивановка. По закону им удалось сохранить за собой помещичью усадьбу, где они организовали трудовую артель. На 11 душ они получили 14 десятин земли, 35 десятин леса отошла государству, 40 десятин пахотной земли и лугов – крестьянам. По советской конституции земля предоставлялась в пользование на 99 лет.

Для этого времени характерен рост читательского интереса со стороны крестьянской публики. Из газет они узнавали последние новости. Жители посещали деревенские сходки, где обсуждали прочитанное. Данный факт подтверждают воспоминания философа. Так, для интересующихся он читал доклады о Соловьеве и Толстом. Сообщения вызвали горячие споры, деревня будто проснулась, активизировалась навстречу новому. В Ивановке у Ф.А. Степуна подобралась труппа. Мыслителя поражала легкость, с которой его подопечные входили в роль. Они не умели грамотно прочесть текст, не владели дыханием, голосом, но растворялись в созданных образах.

Интересными для данной статьи оказались сведения, почерпнутые из мемуаров философа, о специфике функ-

ционирования трудовой артели. Объединение представляло собой коллектив с общим имуществом, ответственность распределялась между членами артели поровну (круговая порука). Так, «к обеду каждому из нашей “трудовой” семьи в 10 человек полагалось по тарелке “брандахлысту” (суп из свекольной ботвы), по пяти картошек без соли и по три овсяных лепешки пополам с крапивой. Улучшалось питание только тогда, когда в хозяйстве случалось несчастье» [7. С. 254]. Они забыли вкус настоящего черного хлеба. Вместо привычного кофе заваривали свекольный, который подавался на завтрак с кусочком хлеба. Видимо, Ф.А. Степун ошибался, так как в работе Л.В. Лебедевой упоминается, что из свеклы (и других овощей) заваривали чай, а суррогатный кофе готовили из ржи, риса и пшеницы [8. С. 66]. Следует отметить, что проблема голода была связана не с хозяйственной неопытностью артели, а с правительственными поборами.

В период военного коммунизма советской властью была введена всеобщая трудовая повинность. Население в возрасте от 16 до 50 лет привлекалось к выполнению различных работ (лесозаготовительные, дорожные, строительные). Ивановская артель должна была заготавливать дрова для местного Совета. Ф.А. Степун вспоминал, что они не имели ни удобной одежды, ни подходящих инструментов [3. С. 560].

Жители артели вынуждены были искать альтернативные способы получения денег. Практически в каждой семье существовали свои «специалисты»: портнихи, прачки, репетиторы. Эта «нелегальная деятельность тщательно скрывалась от соседей и фининспекции» [9. С. 364]. В частности, Ф.А. Степуну удалось продать Госиздату роман, за который был выплачен аванс. Женщины шили кукол, которых продавали. Выращиваемые яблоки выменивали на хлеб и масло. Мужчины уезжали в город, где обменивали одежду и продукты. Примечательно, что в быт прочно вошел исключительно натуральный обмен. Он был обусловлен страхом очередного обесценивания денежных знаков, инфляцией. Так, вышедшие в 1918 г. «совзнаки» уже были обесцененными, «керенки» обесценились к 1919 г.

Семейство Степунов сохранило традиции проведения праздников, которые отмечали до революции (Рождество, Пасха, Новый год). Проходили они скромно. Как правило, сопровождалась застольем, настолько обильным, насколько позволяла ситуация. Из нового – привычка длительного чаепития. Случалось, что устраивались домашние концерты, на которых пели и танцевали, читали стихи.

Труднее всего жителям пришлось во время голода 1921 г. Мыслитель отмечал, что это был результат аграрной политики большевиков. С одной стороны, сильная засуха, а с другой – конфискация властью излишков зерна поставили население Поволжья на грань вымирания. Но советское правительство делало вид, что «нулевой урожай в Поволжье компенсирует прекрасный урожай на Украине» [10. С. 472]. Голод практически не коснулся ивановской жизни, но действительность у них была, по свидетельству Ф.А. Степуна, «очень страшна, голодна и холодна» [3. С. 543].

Вместе с тем из советской действительности вышли и благополучно приспособившиеся слои населения.

В частности, в Ивановке, несмотря на образованные комитеты бедноты, местные богачи жили лучше своих классовых врагов. Время прививало такие качества, как изворотливость и хитрость. Ф.А. Степуна поражала их кипучая энергия, мужество и смекалка, они играючи справлялись со своей трудной жизнью. В частности, одному из местных жителей, несмотря на ревизию, удавалось «как из-под земли» доставать новых лошадей. В трактире Лукина всегда в наличии имелся самогон, водка и вина. Двойственность прочно вошла в обиход советских граждан. Власть, с одной стороны, вела борьбу с пьянством, а с другой – поощряла продажу спиртного. Как представляется, для большинства это была возможность ухода от повседневных проблем. И как следствие – увеличение количества самоубийств. Следует обратить внимание на то, что был и положительный момент: доходы от продажи спиртных напитков шли на нужды промышленного производства [11. С. 290]. Советская повседневность вынуждала человека, попавшего в экстремальные условия начала 1920-х гг., искать другие модели поведения. Не у всех попытка «вклиниться» проходила гладко: у одних она проявлялась в виде потерянности и социальной незащищенности, у других – в чувстве озлобленности [12. С. 17]. Ф.А. Степун отмечал, что эпоха породила авантюристов, стремившихся как можно скорее сорвать куш, побыстрее израсходовать и наконец-то пожить в свое удовольствие.

С установлением большевистской власти политические учреждения заполнили новые люди. Многие стали зависеть от личных качеств обремененных властью. Философ констатировал, что никого ничем нельзя удивить и даже шокировать. Произвол вышестоящих прививал населению чувства безнаказанности и вседозволенности. Ф.А. Степун писал, что не собиравшись опаривать совершенных народом жестокостей. Им, к счастью, не пришлось столкнуться с разрушительной стороной стихии русского народа.

Философ отмечал, что менталитет населения претерпел значительные трансформации. В советской Москве стал господствовать «тленный дух лицемерия и предательства своих убеждений, всюду игра в поддавки с циничной улыбкой и камнем за пазухой» [3. С. 584]. Как уже было указано, исчезла пассивность в общественной жизни. Если говорить о крестьянском корпоративизме, то он имел противоречивые черты: шел процесс наслаивания нового образа мышления и поведения на общинные традиции. Народные массы верили, что стоит только взяться всем миром (присущий им коллективизм) и откроется возможность преобразования мира. Социалистическая форма устройства им imponировала, так как в их понимании справедливость ассоциировалась с понятием всеобщего равенства. Для молодежи, например, было характерно убеждение в том, что строительство социалистического мира вполне реально осуществить. На первый план выходили классовые интересы.

Мыслитель в воспоминаниях признавался, что в свободное время брался за привычные дела: занимался философией, писал статьи и т.д. Но отмечал, что переживал за собственную жизнь и жизнь близких. В Ивановке он писал роман «Николай Переслегин». Думается, в трудные минуты он целенаправленно уходил от повседневности.

Таким образом, повседневность Советской России стала настоящим испытанием для философа. Ему пришлось приспособляться к новым условиям жизни. Он получил опыт на политическом поприще, приняв участие в формировании демократической государственности в 1917 г. Испытывая громадные политические трудности, предпочел покинуть Политическое управление Военного министерства Временного правительства. Ф.А. Степун разочаровался в социальной пользе своей работы. На первый план вышел вопрос физического выживания и социальной адаптации. Октябрьский переворот окончательно отвернул его от участия в политической деятельности. Философ попробовал себя в роли театрального режиссера, преподавал в актерских

школах. Однако ситуация безысходности вынудила Ф.А. Степуна покинуть сначала Петроград, а затем и Москву. Ученый перебрался в деревню, где вынужден был вести простую крестьянскую жизнь, дававшую пропитание. Он мешочничал, торговал на Сухаревке, помогал в ведении общего хозяйства трудовой артели.

Следует обратить внимание на то, что мемуары Ф.А. Степуна представляют типичный опыт представителя мыслящей интеллигенции в период Гражданской войны. Полученный им опыт стал материалом для выработки собственных взглядов. Впоследствии сформировалась его концепция России, центральное место в которой занял анализ внутренних причин и особенностей российской революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пушкарёва Н.Л.* История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник, 2007. М. : РОССПЭН, 2008.
2. *Аксенов В.Б.* Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. // Социальная история. Ежегодник, 2007. М. : РОССПЭН, 2008.
3. *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся / послесл. Р. Гергеля. 2-е изд., испр. СПб. : Алетейя, 2000.
4. *Давыдов А.Ю.* Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918–1922 гг. // Вопросы истории. 1994. № 3.
5. *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Обыватель и реформы картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003.
6. *Смирнова Т.М.* Классовая борьба на «жилищном фронте»: особенности жилищной политики советской власти в 1917 – начале 1920-х гг. // Социальная история. Ежегодник, 2007. М. : РОССПЭН, 2008.
7. *Степун Ф.А.* Мысли о России. Очерк I // Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные статьи. М. : Астрель, 2009.
8. *Лебедева Л.В.* Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е гг.: традиции и перемены. М. : РОССПЭН, 2009.
9. *Осокина Е.А.* Советская повседневность: обыденность приключения, привычность риска. На примере истории Торгсина и ОГПУ // Социальная история. Ежегодник, 2007. М. : РОССПЭН, 2008.
10. *Орлов И.Б.* Между «Царь-голодом» и «Товарищем Урожаем (1921–1922 гг.)» // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М. : РОССПЭН, 2004.
11. *Журавлев С.В., Соколов А.К.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е гг. // Социальная история. Ежегодник, 1997. М. : РОССПЭН, 1998.
12. *Шевелев Д.Н.* Мир повседневности сибирского города в годы Гражданской войны на страницах периодической печати // Историческое знание и интеллектуальная культура : материалы науч. конф. : в 2 ч. М. : б.и., 2001.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 июня 2011 г.